

где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас
никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно
и неизбежно: эта скорбь не может не покидать нас, она есть
проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

чтобы биться и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то,
что не всякая благая сила русского народа, что не оскудеет в нем божьи дары.

что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его вечное
богосуществование, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут, те
из нас, кто не опускает своей веры, устремят цель и смысл национальной
борьбы, и если кто-то захочет, то они перестанут видеть Россию в
боге, а только в духе, и тогда, что они ее потеряют, выйдут из ее

духовного мира и ее жизни, и тогда они
будут скитаться, значит, не только в физическом, но и в духовном смысле, и тогда
Россия, в том, в чем мы любим ее, раба, ни в коем случае не вернется
к ее родине, и тогда, что она не сможет вернуть себе свое истинное имя, и тогда

своеобразие есть дар божий, данный самым русским людям, в то же время
указание божье, и мы должны охранять Россию от посягательств варваров,
и требовать от этого дара свободы и самостоятельности.

русским людям вернуть Россию в божьем луче, в ее вечной ткани, ее
непреходящей постоянству, и любовью принимать ее, как одну из главных и
саветных святынь своей личной жизни, биться русским значит верить в Россию
так, как жили в нее все русские великие люди, все ее гены и ее строители.

только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу,
может биться, и не прав тютчев, что в Россию можно только верить, ибо ведь
в разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть в ее
темное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить

утвердить в России многое, но и вера необходима: без веры в Россию нам и
самым не прожить, и ее не возродить.

Олег Шатонов

Битва
за Россию

Олег Платонов
Битва за Россию

«Алисторус»

2010

УДК 338
ББК 65.9(2)

Платонов О. А.

Битва за Россию / О. А. Платонов — «Алисторус», 2010

ISBN 978-5-9265-0755-0

В тайной и явной борьбе Запада против России заключается главное противоречие нашей эпохи. Русофобия – стержень и идеология внешней политики США и других стран Запада, для которых Россия – основное препятствие на пути к мировому господству. В книге «Битва за Россию» русского историка, экономиста, писателя, директора Института русской цивилизации Олега Платонова раскрываются неизвестные страницы противостояния двух цивилизаций – русской христианской, духовной и западной антихристианской, потребительской. Автор развеивает мифы о России, созданные либералами и коммунистами, разоблачает фальсификации русской истории, призванные разрушить связь времен, отвратить народ от своих корней и духовного наследия, а значит, лишить будущего.

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-9265-0755-0

© Платонов О. А., 2010
© Алисторус, 2010

Содержание

От автора	6
Социализм и сионизм[1]	7
Время разрушать мифы[2]	11
70 лет разрушения памятников истории и культуры в России (1917–1987)[3]	19
Заговор царевубийц[4]	26
«Кругом измена, трусость и обман»[5]	32
Величайшие преступления XX века[6]	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Платонов

Битва за Россию

© Платонов О. А., 2010

© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

От автора

То, что происходит на наших глазах за последнюю четверть века, нельзя назвать иначе как «Битва за Россию». На наше Отечество, на Великую Россию, ополчились все силы мирового зла, все внешние и внутренние враги, для которых наша страна является последним препятствием на пути Запада к мировому господству. В битве за Россию участвуют все русские патриоты, все граждане России, осознающие себя ее частью, а ее духовные ценности – своими ценностями.

Несмотря на огромные потери, наша страна выстояла. Хотя все и произошло не так, как хотелось русским патриотам-государственникам, но все же и не так, как того желали враги России. Сегодня мы ощутимо ближе к национальным началам, чем были в середине 1980-х годов. Реальный сдвиг в самосознании общества произошел в нашу сторону. Да, еще сильны позиции западно-ориентированных политиков и банкиров, но они уже не полностью контролируют политические процессы. В России появился национальный капитал и связанные с ним политики, отстаивающие национальные интересы. Патриотические идеи стали ресурсом государственной власти. Еще предстоит сделать очень много в возрождении русской идеологии, исторических духовных ценностей России, очистить власть от духа наживы, потребительства и либерализма. И это тоже часть нашей борьбы за Россию. Она происходит в наших душах и затрагивает всех жителей страны.

Последнюю четверть века я был в самой гуще событий, сознательно стремился в самые горячие точки. Занимаясь изучением острейших вопросов, которые вставали перед русскими людьми, каждый раз, в силу своих возможностей, я стремился дать на них ответ.

В настоящей книге предлагается читателям часть выступлений, докладов, интервью и бесед, в которых выражается мое видение событий в России, начиная с середины 1980-х годов, по сей день. По-моему, идеи, высказанные в них, не потеряли актуальности и сегодня. Особое внимание в этой книге уделено развенчанию мифов о России. Начиная с XIX века, история нашей страны была соткана из враждебных мифов. Либералами и коммунистами создан фальшивый образ слабой, отсталой и духовно неполноценной России, которая должна либо пойти по пути Запада, либо «жить при коммунистах». Однако то и другое не соответствует истине, ибо Россия является особой цивилизацией, развивающейся по собственной шкале координат. Любые попытки заставить ее идти чужим путем приводят к катастрофе.

Битва за Россию продолжается. Хронологически сейчас мы находимся примерно посредине событий. Нам предстоит еще увидеть крушение традиционного капитализма, которое уже началось под названием «мировой экономической кризис». Предстоит всем нам и участвовать в посткапиталистическом переустройстве мира, в котором Россия будет играть решающую роль, если сумеет сохранить свои духовные основы, традиции и идеалы.

Социализм и сионизм¹

Более 70 лет наша Родина жила в условиях тоталитарной системы, которая именовалась самым справедливым обществом на земле, существующим во имя всего народа. Нам даже обещали, что в 1980-е годы мы будем жить при коммунизме. Все эти посулы оказались великим блефом, преступной утопией, которая унесла десятки миллионов жизней народов России и, прежде всего, русского народа.

Так что же такое социализм? Как нам надо относиться к его идеологии, чтобы избежать продолжения преступных идеологических программ? По определению великого русского философа Лосева, социализм наряду с капитализмом вырос на общих антихристианских корнях отрицания православного учения о духовных ценностях Нового Завета.

Социализм – антихристианская идеология построения утопического общества «всеобщей справедливости, материального благоденствия и изобилия».

Первые зачатки социалистической идеологии связаны с деятельностью иудейских сект, тайных обществ и масонских лож, ставивших своей целью разрушение христианского миропорядка и построения на его руинах нового общества.

Социалистическое революционное движение было воплощением разных сторон иудейско-талмудического мессианизма. Представители его жили религиозным ожиданием чуда наступления новой эпохи, когда роль «спасителей человечества» будет играть «избранный народ».

История социалистической революции и построения социализма в России шла по пути осуществления антихристианских «идеалов» иудейского мировоззрения, стремления к человекобожеству, к царству земному, к торжеству антихриста. И в этом историческом случае еврейский вопрос в России осуществлялся как вопрос религиозный, хотя на первый взгляд казался больше политическим и социальным. Социализм, коммунизм, а впоследствии и еврейский большевизм всегда были сродни иудейскому мессианизму.

Как писал А. В. Меллер-Закомельский, «все религиозное творчество еврейства насыщено острой и фанатической идеей мессианизма. Мессианизм – это вдохновляющий пафос всей духовной жизни еврейства. Древний Израиль – избранный народ, ожидающий Божеской благодати – рождения Мессии. Великая мессианская идея Израиля, по существу вселенская, издревле сопровождается двумя течениями, суживающими ее и уродующими: шовинизмом и хилиазмом. Еврейский шовинизм низводит мировое призвание мессианизма на степень провинциализма, чаёт в грядущем Мессии своего царя, своего избавителя, который возвеличит лишь избранный народ и даст ему власть над другими народами. Вопрос поставлен о судьбах всего Израиля, целого народа, коллектива, и индивидуальная судьба человеческой личности остается в тени. Отсюда – удивительный факт, что столь интенсивное религиозное творчество еврейства очень долго не интересуется проблемой бессмертия, жизни вечной, – проблемой, занимающей центральное место в религиях Индии, Египта и Греции и получающей свое торжествующее разрешение в радостном Воскресении Иисуса Христа. Судьбы человеческой личности поглощены судьбой коллектива, огромностью его божественного признания. Жизнь вечная еврея не интересует, и потому он ищет спасение в этой, земной, жизни и ее продлении. Он требует справедливости, суда Божия, удовлетворения всех его чаяний здесь, на земле. Отсюда – идея хилиазма, которой проникнуто мирозерцание еврейства: оно ждет от Мессии осуществления Царства Божия на земле, земного рая.

Отравленное шовинизмом и хилиазмом еврейство отвергает учение Христа, несущего слова «Царство Мое не от мира сего». Евреи не пожелали принять хлеб небесный взамен чае-

---

¹ Выступление на совещании народных депутатов СССР в Тюмени, 21 октября 1989 года.

мого хлеба земного и не признали в Христианстве осуществления своего мессианизма. В акте отречения от Христа – величайшая трагедия еврейского духа. Распяв Христа, евреи с еще большей страстью погружаются в свои исконные заблуждения. Мессианские чаяния древности окончательно вырождаются в шовинизм; безблагодатный рационалистический эвдемонизм заменяет хилиазм древних пророков.

В социализме еврейских революционеров, в материализме еврейских ученых, в стяжательстве еврейских капиталистов – все та же древнеизраильская неизбывная привязанность к земле, к жизни сей. Социализм Карла Маркса... есть логический вывод из израильского хилиазма к обществу своему плоть от плоти иудаизма».

Почти все самые значительные основоположники и вожди социализма были евреями по происхождению (К. Маркс, Ф. Лассаль, М. Гесс) или масонами (Гарibaldi, Мадзини, Бакунин, Кропоткин), т. е. иудеями по духу, последователями мессианской утопии построения «высшего общества» на началах иудейского учения об «избранном народе». Даже К. Маркс, открыто презиравший иудаизм и его последователей за «реакционный национализм», в своих социалистических теориях сохранил все антихристианские, богоборческие принципы иудаизма, только перефразировав их.

Его идеи создания справедливого коммунистического общества во всем мире представляли собой модификацию иудейских мессианских ожиданий. Хотя в теории Маркса ничего не говорилось о руководящей роли евреев в этом процессе, сам характер предполагаемой «работы» неминуемо требовал для ее исполнения людей определенного талмудического склада мысли. Социализм и коммунизм являлись как бы первым этапом к установлению господства иудаизма, т. е. царства антихриста. Социализм превращался в орудие окончательного уничтожения Христианства и формирования атеистического, антихристианского сознания.

Еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. «Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, Маркс переносит на класс, на пролетариат. Этот новый народ избранный – пролетариат под водительством «специфически еврейских пророков и освободителей» стремится осуществить исконное еврейское чаяние рая земного. И в современном социализме мы находим те же черты, что и в древнем иудаизме. Та же страстная нетерпимость к инаковерующим, то же пренебрежение судьбой человеческой личности во имя коллектива» (А. Меллер-Закомельский).

«Коммунистический манифест» К. Маркса формулировал цели создания сверхгосударства, в котором все его члены подчиняются единой воле своих вождей и становятся бессловесными строителями (фактически рабами) «нового мирового порядка», из которого полностью исключалось христианство.

Талмудическую доктрину о неизбежности мирового господства «избранного народа» и построении всемирного иудейского царства Маркс трансформировал в теорию всемирной революции, установления диктатуры класса для создания высшего общества. Как и талмудический иудаизм, социализм Маркса предполагал широкие меры насилия и террора против всех противников господствующего класса («избранного народа»).

В этом смысле более последовательным и честным, чем Маркс, был Мозес Гесс, подлинный создатель социализма с еврейским лицом.

Друзья называли Гесса «рабби-коммунист Мозес». Всемирная революция будет только тогда успешной, когда ее будут возглавлять иудеи-талмудисты. Окончательное спасение человечества, утверждал он, придет от евреев. Как писал видный современный сионист Г. Фиш, «для него (Гесса) сионизм (хотя тогда этого термина еще не было) был высшей точкой либеральных революций девятнадцатого века, но и в какой-то степени их антитезой. Сионизм объ-

единит религию и историю; материальное и духовное сольются и образуют идеальное единство. Осуществятся национальные чаяния, поднявшись до уровня мирового спасения».

Главная цель всех революций, утверждал в сер. XIX в. Гесс, – возрождение Израиля на его земле. Когда Израиль вновь обретет свое истинное призвание в господстве «избранного народа» над человечеством, «исторический процесс завершится окончательным избавлением и будут достигнуты цели всех других революций» (Г. Фиш).

Гесс считал еврейскую революцию главной силой человеческого прогресса. Иудаизм представлялся ему не как религия, отжившая, преодоленная высшим светом христианства, а как ее преемник. Высшая фаза иудаизма еще не наступила, но именно она принесет избавление человечеству. Весь мир «нуждается» в возрождении Израиля. Христианство, по утверждению Гесса, никогда не вело человека к подлинному спасению, которое несет иудаизм. Эпоха христианства подходит к концу; после французской революции XVIII в. оно перестало влиять на события в Европе. Победа еврейской революции в мире неизбежна.

Хотя дальнейший ход истории не подтвердил всех предсказаний Гесса, окончательные цели еврейской революции были достигнуты. Как констатировал К. Гарольд, «современный коммунизм развивался не по тому пути, который наметили для него Гесс и его друг Фердинанд Лассаль, а по программе, начертанной Марксом и Энгельсом. Однако диалектического процесса им оказалось достаточно, чтобы повести общество по заранее намеченному пути, проложенному исторической необходимостью...» За этой туманной фразой скрывается вполне ясная мысль иудея, торжествующего по поводу крушения христианства; по его мнению, это крушение явилось исторической необходимостью.

В работах Гесса – ключ к пониманию характера и конечных целей всех революций и социалистических движений, и, прежде всего, социализма в России.

Евреи в российском социалистическом движении играли роль катализатора и направляющей силы. Если на первых этапах революционной деятельности их немного, то к концу XIX века – началу XX века они стали преобладающей силой.

В кружке будущего знаменитого масона и террориста Н. В. Чайковского (1869), пожалуй, наиболее заметны были Марк Натансон и Анна Эпштейн. Последняя способствовала возникновению в 1874 году в Вильно (духовном центре иудаизма, местопребывании Синедриона и виленского гаона) революционного кружка, во главе которого стояли Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого виленского кружка и от первого «Еврейского социалистического ферейна», основанного в 1876 году тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение.

В организациях, примыкавших к обществу «Земля и воля» (1876), участвовало несколько десятков евреев, игравших значительную роль, особенно в южнорусских кружках.

По делу народовольцев на «процессе пятидесяти» (1876) проходили 2 еврейки – Геся Гельфман и Бетя Каминская. На «процессе 193-х» (1877–79) на скамье подсудимых оказались уже 8 евреев: С. Аронзон, М. Кац, И. Павловский, М. Рабинович, Л. Тетельман, С. Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская.

К числу наиболее выдающихся еврейских деятелей «Земли и воли» и «Народной воли» относились А. Арончик, О. Аптекман, П. Аксельрод, Г. Гольденберг, Г. Гельфман, Л. Дейч, А. Зунделевич, С. и Г. Златопольские, Вл. Иохельсон, Н. Утин, Ф. Морейнис, Г. Фриденсон, Л. Цукерман. Среди террористов-народовольцев, казненных русским правительством уже в 1870-х, известны 2 еврея – А. Гобет и С. Витенберг.

Цареубийство 1881 года – страшное преступление против русского народа, совершенное «народовольцами», – заставило русское правительство полностью разгромить эту подрывную организацию. Однако уже через несколько лет делается попытка восстановить преступное подполье под тем же названием. На этот раз инициаторами возрождения политического терроризма были преимущественно евреи. Имена и деятельность этих преступников стали

погромной летописью в истории России: А. Бах, Р. Кранцфельд, Б. Оржих, Л. М. Залкинд, С. Гинзбург, М. Гоц, М. Фундаминский, О. Минор, Г. Добрускина, И. Дембо, М. Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз.

С конца XIX в. социал-демократическое движение стало главной составляющей еврейской революции в России. Его инициаторами, начиная от группы «Освобождение труда» до «ленинской гвардии», выступили также евреи: Ю. Мартов (Цедербаум), Ф. Дан (Гурвич), Л. Аксельрод-Ортодокс, Ю. Стеклов (Нахамкес), Д. Кольцов-Гинзбург, Э. Абрамович, А. Кремер, М. Ляховский, Б. Эйдельман, Д. Рязанов (Гольдендах), М. Винокур, Ф. Годлевский, А. Соколовская, Е. Гурвич, Д. Шхиз, Д. Розенблюм, Ц. Копельзон, Л. Иогихес-Тышко, Л. Айзенштадт-Левинсон, И. Айзенштадт-Юдин, П. Гордон, С. Гожанский-Лону, Н. Вигдорчик, П. Средницкая, В. Кассовский.

Главными задачами, которые ставили перед собой социалисты в России, были: уничтожение русского государственного порядка (монархии), ликвидация Русской Православной Церкви, террор против всех, кто не принимал социалистической доктрины и, наконец, построение общества всеобщего благоденствия. В 1917 социалистическая партия захватила власть. Лидерами социалистического движения стала партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным (по матери Бланк), Л. Д. Троцким (Бронштейн), Г. Е. Зиновьевым (Радомысльский), Л. Б. Каменевым (Розенфельд).

Российским социалистам удалось выполнить разрушительную часть своей программы, созидательная часть оказалась им не под силу. Семьдесят лет социалистического эксперимента привели к гибели десятков миллионов людей (казненных, убитых, умерших от голода и болезней) и подрыву экономического потенциала страны. Относительные экономические успехи достигались огромной ценой выматывания народной силы.

Похоронив в себе надежду обманутых поколений, социализм показал, что является идеологией, враждебной России. Он паразитировал на лучших чувствах русских людей, выдавая их за свои достижения. Должен высказать парадоксальную мысль. За 70 лет господства социализм стал политическим стеновым хребтом государства, объединившего все народы бывшей Российской империи в рамках искусственных границ. Умирание социализма, происходящее на наших глазах, неизбежно приведет к распаду исторической Великой России.

Время разрушать мифы²

Нынешние леворадикалы (особенно из числа сторонников межрегиональной депутатской группы), впрочем, как и их предшественники времен Гражданской войны, распространяют миф о том, что одной из главных причин российской трагедии XX века является присущее русскому народу стремление к уравнительному распределению и уравнительности (не работать, а взять да поделить). По их мнению, желание наших соотечественников насадить эту уравнительность привело к массовым репрессиям, автогеноциду русского народа. «Внутри страны, – пишет один из современных леворадикалов, С. Чернышов, – концентрация и брожение уравнительного начала обернулись ядом репрессий, вытравливанием творческой свободы». Но ведь наша история говорит о другом. Принципы уравнительности в распределении были принесены на нашу землю из-за рубежа леворадикальными публицистами и учеными в форме различных социалистических утопий и ими же начали насаждаться после 1917 года. Русскому же народу, как мы покажем ниже, принцип уравнительности был противен. Ведь именно в противостоянии социалистическим утопиям уравнительного социализма погибло по меньшей мере 50 миллионов русских. Зачем же тогда русскому народу приписываются не свойственные ему черты? Да для того, чтобы переложить на его плечи ответственность за бойню, в которую ввергли страну леворадикально настроенные политики и ученые. Они и сегодня пытаются использовать этот аргумент, чтобы снять с себя ответственность за судьбы перестройки, которой, по их мнению, угрожает «сильное влияние ценностей уравнительности в массах трудящихся».

В этих высказываниях вся суть леворадикализма, которая объединяет людей, лишенных национального сознания, безнадежно оторванных от корней народной жизни. Леворадикалы 1918 года сулили нам утопический социализм как рай на земле, нынешние леворадикалы с таким же нахрапом обещают утопический капитализм – общество благоденствия и изобилия. И тех, и других роднит одно – отрицание народных основ, традиций и идеалов, стремление уничтожить их во что бы то ни стало, заменив утопическими или заграничными формами жизни.

Умозрительный принцип уравнительности, придуманный западноевропейскими утопистами, объявляется идеалом русского народа. И, конечно, первым (по сути дела, единственным) аргументом леворадикалов являются переделы земли в крестьянской общине. Забывается одно – заново делилась общая земля, а не результаты труда, не имущество, не инвентарь. Да, раз в 10–15–20 лет крестьяне собирались на сходку и в зависимости от изменения семейного положения перераспределяли между собой землю. Если в семье Ивановых родилось несколько детей, а в семье Петровых прибýtка не было, то Иванову могли добавить земли. Делалось это для того, чтобы создать всем одинаковые условия приложить свой труд. Создание равных условий для приложения труда – прямая противоположность утопическому уравнительному распределению его результатов, которые внедряли у нас, скажем, Троцкий и другие леворадикалы времен Гражданской войны или Сталин с Кагановичем в «коллективизацию».

То, что нынешние леворадикалы называют уравнительным распределением, на самом деле – поставленное с ног на голову в их искаженном сознании стремление русского человека к справедливости. Но не так, чтобы «взять и поделить», а взять и создать равенство в труде. Отсюда и недоверие русского человека к распределению по капиталу.

Один из самых распространенных мифов в истории труда в России – миф о нищенской оплате труда по сравнению с западноевропейскими странами.

---

² Выступление на декабрьской научно-теоретической конференции «Перестройка и судьба России» в Общественно-политическом центре МК КПСС. Москва, 26 декабря 1989 года. Опубликовано в журнале «Молодая гвардия», № 2, 1990.

Возник он в конце XIX века и усиленно пропагандировался российскими либералами и социалистами как подтверждение их тезиса о вековой культурной и экономической отсталости России. Утверждение о нищенской оплате труда в России стало общим местом, своего рода аксиомой, не требующей доказательств.

В 20-е годы XIX века этот якобы бесспорный исторический факт решил проверить замечательный русский экономист и статистик С. Г. Струмилин. Он поднял архивные материалы, произвел необходимые расчеты и пришел совсем к иным выводам. Оплата труда в России была далеко не нищенской, а ее уровень во многих случаях был даже выше уровня оплаты труда основных западноевропейских стран.

Данные свидетельствовали о том, что еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославе Мудром, решившем в середине XI века построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день». Следует сказать, что за ногату в те времена можно было купить целого барана.

Сколько же получали русские рабочие в XVII веке? Имеющиеся сведения, относящиеся к 1647 году, говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 копеек, для подмастерья – 38 копеек, для работника – около 10 копеек. В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера – 145 рублей, для подмастерья – 95 рублей, для работника – 25 рублей. По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая плата была достаточно высокой, пожалуй, одной из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 килограммов ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком.

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожая, войн и общественных смут) наблюдался в XVII веке и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхаржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников в 1640 году в Курской и Воронежской областях России при пахоте, жнитве и молотьбе составляла 10 денег (5 копеек) в день, а женщина-жнея получала поденно 3 копейки. На эти деньги крестьянин мужчина мог купить 24 килограмма ржи, а женщина – 15 килограммов. Почти через триста лет – в 1909-1913 годах – средняя заработная плата русского сельхозработного в этих же местах была 96 копеек в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронежской губернии до 1 рубля 10 копеек) и 61 копейка у женщин. Таким образом, рабочий-мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910–1913 годах – 68,7 копейки) около 23 килограммов ржи, а женщина – около 14 килограммов. Итак, отмечает С. Тхаржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника XVII века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозработного начала XX века в тех же самых местах.

А каково было положение крепостных крестьян? Может быть, как раз к ним относилось мнение о нищенской оплате труда в России?

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русский крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы и, прежде всего, Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые оплачивали или отработывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества – гораздо больше земли и

различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли.

В середине XVIII века даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 10 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В первой половине XIX века среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял, по нашей оценке, не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные. В разных уездах Новгородской губернии на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых, даже густонаселенных районах, например, в Тверской губернии, крестьяне некоторых помещиков имели по 15–20 десятин на душу.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находившейся в распоряжении помещиков и предоставленной в пользование крестьянам. Оказывается, в 1860 году в Европейской России из 105 миллионов десятин земли, принадлежащей помещикам, 36 миллионов десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 миллионов десятин находились в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых было 9,8 миллиона душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3–4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так, в Курской губернии на душу крепостного крестьянина имелось 2,3 десятины, в Тульской – 2,4, в Астраханской – 3, в Олонецкой – 7. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2–3 раза, и получаем средний размер земельного участка, приходящегося на хозяйство – 6–12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании у фермеров во Франции того же времени. И это в России середины XIX века, в условиях возрастающей нехватки земель!

Но вернемся в XVIII век. В это время самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 году рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 килограммов зерна, то русский рабочий – 10–11 килограммов. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII веке был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлись членами сельских общин и имело землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрике, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в Петербурге. Здесь в 1728 году мастера получали 120–240 рублей в год (а иностранные мастера намного больше), подмастерья – 60 рублей, кузнецы – от 12 до 24 рублей. Кроме того, большинство рабочих получало продукты – муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860–1867 годах, заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для стволodelов – 135 рублей в год (52 копейки в день), для кузнецов – 86–113 рублей в год (32–43 копейки в день), для замочников и литейщиков – 106 рублей в год (40 копеек в день), для шлифовальщиков – 128 рублей в год (48 копеек в день), для столяров – 116 рублей в год (44 копейки в день).

Для конца XIX – начала XX века у нас есть сведения о заработках рабочих-металлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего в год: в 1891 году

359 рублей (или 1 рубль 25 копеек в день), в 1901 году – 431 рубль (1 рубль 50 копеек в день) и в 1904 году – 471 рубль (1 рубль 60 копеек в день).

В середине XIX века в России путешествовал замечательный немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков: «Ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, – писал он, – в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее».

Перед самой революцией в феврале 1917 года Обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 рублей, из которых 29 рублей шли на жилье, 42 рубля – на одежду и обувь, остальные 98 рублей – на питание.

Академику Струмилину удалось доказать, что и в начале XX века заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире, занимающая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долларов в год, 11,02 доллара в неделю, или 1,84 доллара в день. В перерасчете на русскую валюту дневной заработок американского рабочего составлял 3 рубля 61 копейку золотом. В России, по массовым данным 1913 года, годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 рублей, то есть не превышал 1 рубль 16 копеек в день, не достигая таким образом и трети американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилину делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 процентов американского. Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал плату за труд в Англии, Германии, Франции.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 году 70,4 килограмма в год (в США – 71,8 кг). Еще более высоким потреблением мяса было в городах Российской империи – в среднем 88 килограммов на душу населения, при этом в Москве – 87, в Петербурге – 94, во Владимире и Вологде – 107, в Воронеже – 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока.

Так что же обеспечивало относительно высокий уровень оплаты труда и потребления российских тружеников в течение многих веков?

Ответ на это прост: изобилие земли и природных ресурсов, а главное – трудолюбие народа.

Положение с оплатой труда резко ухудшилось после прихода к власти леворадикалов, начавших с 1918 года насаждать утопические идеи уравнилельного распределения, когда стала осуществляться жесткая централизация оплаты труда в сторону всеобщей уравнилельности и обезлички.

В 1919 году вводится единая для всей страны тарифная сетка с 35 разрядами и соотношением крайних разрядов 1:5. По первым 14 разрядам тарифицировались рабочие, а с 15-го разряда – инженерно-технический персонал.

Следующим шагом, доводящим до абсурда идею всеобщей централизации системы оплаты труда, стало «Общее положение о тарифе», подписанное Лениным в июне 1920 года. Документ устанавливал общие для всей страны нормы выработки, которые исходили из данных о некоей средней производительности труда. Декрет подробно расписывал тарифные ставки,

нормы и порядок оплаты и премирования труда. Декларируя повышение производительности труда, опираясь на абстрактные утопические посылки, декрет на самом деле способствовал уравниловке, обезличке и дальнейшему падению производительности труда. К концу военного коммунизма зарплата была натурализована. Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 года – бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были различные коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С. Г. Струмилина, в 1920 году заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части, то есть создавалась идеальная уравниловка.

В 1920-е и 1930-е годы этап за этапом происходит чудовищное – планомерно снижается доля трудящихся во вновь произведенном продукте, в практику входит запланированная недоплата за труд. А. Рабинович в книге «Экономика труда», вышедшей в 1926 году, заявляет, что «высокая зарплата механически снижает норму прибавочной стоимости». Отсюда делается вывод о необходимости повышения прибавочной стоимости за счет снижения заработной платы. Доля оплаты труда в чистом продукте промышленности, составлявшая в 1908 году 55 процентов, в 1928 году – 58 процентов, в 30–40-е годы резко снизилась, а в 1950 году не превышала 33 процентов. Таким образом, на каждые три рубля, заработанных советским рабочим, два отдавалось в казну, тогда как в США из трех произведенных долларов два доллара рабочий оставлял себе. Формирование фонда оплаты труда работников по остаточному принципу становится государственным делом.

В Большой Советской Энциклопедии 1930-х годов сообщалось, что «часть совокупного общественного продукта составляет фонд, предназначенный для возмещения израсходованных средств производства, для расширения общественных производственных фондов, для создания резервов... Остальную часть составляет фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей социалистического общества в предметах потребления». Кстати говоря, в число первоочередных нужд включались и средства на содержание административного и репрессивного аппарата, что еще больше сужало совокупный фонд оплаты труда. Еще одним принципом объявлялось то, что «индивидуальная зарплата, получаемая рабочими, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта». Вот так обосновывалось обезличивание и уравнильность.

Основывающаяся на этих принципах оплата труда работников осуществлялась по тарифам, выработанным на самом вершине бюрократического аппарата, и почти не учитывала местные и отраслевые особенности. Более того, оплата рабочих, выполнявших один и тот же труд, могла произвольно устанавливаться центром по-разному для разных отраслей или даже отдельных предприятий, исходя из «высших государственных соображений». Слесарь или токарь в машиностроении получал значительно больше, чем в пищевой или легкой промышленности. Использование тарифных документов, не отражающих прямой связи между затратами и оплатой труда, свело к абсурду саму идею справедливого вознаграждения, материального стимулирования, обуславливало выводиловку, потолок оплаты, уравниловку.

Огромный вред складыванию системы материального стимулирования нанес сложившийся в 1930-е годы неэквивалентный обмен между государством и трудящимися. За счет значительного косвенного налогообложения, по сути дела «дани», за товары ширпотреба рабочим и крестьянам приходилось платить больше, чем они реально стоили. А как известно, в условиях завышенных цен материальные стимулы для большей части населения работают слабо.

Положение российских трудящихся ухудшилось еще и тем, что Россия была поставлена в неравноправные экономические условия и была вынуждена безвозмездно отдавать часть своих ресурсов для развития других союзных республик. Делалось это через систему дотаций и неравноправных цен на российские продукты. Все это снижало реальную заработную плату российского труженика.

Начиная с конца 20-х годов прошлого века, и без того плохие по сравнению с 1913 годом условия труда рабочих становились все хуже и хуже. Как писал в своих воспоминаниях Хрущев, бывший тогда секретарем МК ВКП(б): «Рабочих вербовали (а, точнее, направляли по нарядам. – О. П.) из деревни, селили в бараки, там люди жили в невыносимых условиях: грязь, клопы, тараканы и, главное, плохое питание, плохое обеспечение производственной одеждой. Вообще с одеждой было трудно, не купишь. Все это, естественно, вызывало недовольство. Раздражали людей и пересмотры коллективных договоров, связанные с пересмотром норм выработки, расценок. К примеру, была такая-то норма, а потом, после Нового года, вдруг на 10–15 процентов выше при тех же расценках и даже меньших».

Средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг черного хлеба, в 1936 году – 241 кг, масла – 21 кг и 13 кг, мяса – 53 кг и 19 кг, сахара – 83 кг и 56 кг. В годы нэпа рабочий тратил на питание около 50 процентов своей заработной платы, а в 1935-м – 67,3 процента.

По официальным данным, заработная плата советского рабочего возросла за 1929–1953 годы почти в 11 раз. Однако эти данные не учитывали гигантского роста стоимости жизни. По расчетам американского ученого Жанет Чепмен, стоимость жизни в СССР по сравнению с 1928 годом возросла в 1937 году в 5 раз, в 1940 году – уже в 7 раз, а в 1952 году – в 11 раз. И эти данные совсем не удивляют, если посмотреть на ценники товаров в разные годы. Цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10 раз, а к 1952 году – в 19 раз! Цены на говядину 1-го сорта в 16 и 17 раз; на свинину в 10 и 20 раз; на сахар в 6 и 15 раз; на подсолнечное масло в 28 и 34 раза; на яйца в 11 и 19 раз; на картофель в 5 и 11 раз! Вместе с тем увеличивались суммы обязательной подписки на займы и налоги. В результате в 1952 году уровень заработной платы был ниже уровня 1928 года, хотя и превышал уровень зарплаты предвоенных лет.

Ж. Чепмен производит расчет, сколько продуктов может купить рабочий за 1 час работы в СССР и зарубежных странах. Так вот, если в 1928 году советский рабочий мог купить продуктов за 1 час работы в 4 раза меньше, чем американский, и в 2 раза меньше, чем английский, то в 1950 году – уже в 7 раз меньше, чем американский, и в 4 раза меньше, чем английский.

В 1929 году снова вводится карточная система: рабочий, провозглашенный хозяином страны, получает 600 граммов хлеба в день, а члены его семьи по 300 граммов, жиров от 200 граммов до 1 литра, 1 килограмм сахара в месяц. В 1930 и 1931 годах размеры выдачи по карточкам снизились. Мясо по карточкам почти не выдавалось, купить его можно было только на рынке.

Для сравнения скажем: уровень питания в средней русской артели середины XIX века был в 3–5 раз выше, чем советского на стройках социализма в 1930-е годы. В артелях, например, полагалось на день граммов по 300 мяса, а хлеба и каши сколько съешь, как тогда говорилось – «от пуза».

Десятилетия, которые минули со смерти Сталина, мало что изменили в сложившейся в его время системе вознаграждения за труд. Она по-прежнему остается несправедливой, в большей степени уравнивающей, противоречащей народной психологии, вызывая апатию, раздражение и даже пассивный саботаж. Ведь по сей день продолжается практика недоплаты за труд, нарушается право трудящихся получать экономически обоснованную долю во вновь произведенном продукте. Сегодня удельный вес оплаты труда в стоимости чистого продукта промышленности не превышает 37 процентов (в США 80-х годов XX века 60–70 процентов), то есть, как и при Сталине, у рабочего отчуждалось две трети созданного продукта. Да и методы отчуждения были те же самые. Трудящиеся вынуждены платить за промышленные товары в среднем в 2 раза больше, чем они реально стоят (а по некоторым товарам – во много раз). На полную мощность работает печатный станок, выпуская деньги, не обеспеченные товарами.

Еще больше усилилось экономическое неравноправие РСФСР: российские ресурсы через систему дотаций и низких цен на российские продукты вывозятся в другие республики, перекачиваются в их пользу (а это около 70 млрд. рублей), сокращая и без того нищенский прожиточный минимум российских тружеников. Из кармана каждого жителя России как минимум изымается около 500 рублей в год.

Еще большее снижение уровня реальной заработной платы трудящихся происходит в результате бурного накопления в руках дельцов теневой экономики баснословных капиталов, украденных у народа путем различных махинаций и спекуляций. Сегодня общий объем воровских капиталов оценивается до 500 млрд. рублей, а это больше годового фонда потребления всего населения СССР. Сосредоточив в своих руках такую экономическую власть, дельцы теневой экономики контролируют 25–30 процентов нашего народного хозяйства, активно влияя на уровень реальной заработной платы. Ежегодно из кармана каждого труженика уплывает в лапы дельцов и махинаторов не менее тысячи рублей.

В общем, две трети своего рабочего дня простой труженик занят тем, чтобы прокормить ораву бесполезных чиновников и конторских служащих, легионы спекулянтов, махинаторов, дельцов-теневиков и их прожорливое окружение. Как сказано выше, в 1914 году зарплата рабочих в крупной промышленности была в России одной из самых высоких в мире, приближаясь к американской, а сегодня она одна из самых низких – составляя не более 15–20 процентов от уровня США. Многие простые труженики остро ощущают то, что за их счет паразитируют большие слои людей. Специальный опрос, произведенный в Москве в начале 1980-х годов, показал, что 51 процент мужчин и 43 процента женщин считают вознаграждение за свой труд не соответствующим трудовому вкладу. По расчетам экономиста А. Зайченко, 86,5 процента населения нашей страны относятся к малообеспеченным, а по американским стандартам живут ниже уровня бедности. Остальные 13,5 процента – это богатые и обеспеченные семьи. Однако богатство и обеспеченность многих – результат незаконной деятельности. По оценкам того же экономиста, две трети богатых семей построили свое богатство на незаконных, воровских источниках дохода. А среди обеспеченных семей половина паразитирует на дефицитных товарах, украденных опять же у народа. Неужели труженики могут снисходительно относиться к этим слоям населения? Конечно, нет. Вполне законно их требование провести денежную реформу и ввести декларацию доходов и имущества (существующие, кстати, во всем мире). И не уравнительности требуют трудящиеся, когда выступают за денежную реформу и декларацию доходов, а элементарной справедливости. Богатства, сколоченные на взятках, махинациях, спекуляциях, использовании своего должностного положения в корыстных целях, должны быть ликвидированы. Пока это не произойдет, перестройка будет игрушкой в руках преступных элементов. Денежная реформа, декларирование имущества должны быть проведены как можно раньше. Каждому гражданину по паспорту нужно обменивать до 30 тыс. рублей, а обмен денег выше этой суммы должен производиться после заполнения декларации о доходах, после доказательства честного происхождения этих денег.

Наши леворадикалы, выступающие против денежной реформы, не могут не знать, что подобные меры – не редкость в западных странах. Например, во Франции после Второй мировой войны развелось слишком много подпольных миллионеров, разбогатевших незаконным образом. Государство сделало так. Объявило обмен старых денег на новые. При этом каждый должен был объяснить, каким образом он свои средства заработал. Сумел объяснить – получай в новых деньгах всю сумму. Не сумел – никто ничего не выяснял, просто меняли половину от предъявленной суммы, а другая половина в виде налога изымалась в бюджет. Таким образом, теневой экономике пришел конец.

Конечно, ликвидация воровских капиталов еще не восстановит справедливость в вознаграждении за труд. Ибо корни несправедливости уходят гораздо глубже. Следует провести поэтапное повышение доли оплаты труда в национальном доходе до той справедливой

меры, которая существовала в нашей стране в начале века, то есть фактически ликвидировать остаточный принцип в формировании фонда зарплаты. Постепенно надо отменить позорную «дань», которую государство взимает от населения при покупке товаров широкого потребления, так называемый налог с оборота, необходимо восстановить экономическое равноправие России, прекратить перекачку российских ресурсов в пользу других союзных республик через систему дотаций и занижения цен на российские продукты, являющуюся фактическим изъятием доходов российских тружеников. Все это позволит увеличить долю оплаты труда, восстановить справедливость в распределении его результатов, обеспечит нормальные условия приложения труда и, следовательно, повысит его качество и производительность.

70 лет разрушения памятников истории и культуры в России (1917–1987)³

Изучив множество документов эпохи революции и 1920-1930-х годов, я пришел к выводу, что разрушение исторических памятников не было делом отдельных некультурных одиночек, а часть большой программы уничтожения духовных святынь русского народа, которого еврейские большевики – носители иудейского менталитета, решили превратить в раба. А раб не должен иметь своей культуры и своих святынь. Иудейский менталитет сформирован на догмах Талмуда, требующих от иудея уничтожения и посрамления храмов и святынь всех других народов, особенно христиан, именуемых гоями и акумами.

В начале 80-х годов в моих руках появился чудовищный документ иудейской идеологии, сокращенный свод основных законов Талмуда «Шулхан Арух». Один из законов Талмуда гласил: проходя мимо разоренного храма акумов, каждый еврей обязан произнести: «Слава Тебе, Господи, что Ты искоренил отсюда этот дом идолов». Когда же еврей проходит мимо еще нетронутого храма, то он должен сказать: «Слава Тебе, Господи, что Ты длишь свой гнев над злодеями»... Когда еврей видит хорошо выстроенные дома акумов, то он должен говорить «Дома надменных разорит Господь», но когда он видит развалины дома акума, он должен произнести: «Господь есть Бог отмщения».

За более чем 2000 лет существования Талмуда это погромное отношение к святыням христиан стало частью национального сознания наиболее радикальных элементов «избранного народа». Буквально с первых месяцев прихода к власти еврейских большевиков в стране начинается массовый погром христианских святынь. Уже в конце 1917 – начале 1918 годов закрываются и подвергаются ограблению первые церкви и монастыри. Превратив Кремль в штаб борьбы с Православной Россией, Ленин, воспитанный матерью-еврейкой, приказывает закрыть все кремлевские храмы и монастыри, конфискует их ценности. Высказал свое отношение к христианским ценностям и большевик № 2 Троцкий (Бронштейн). Во время наступления на Петроград войск Юденича Троцкий со своими соратниками рассматривал панораму Петрограда с множеством златоглавых церквей. Один из его соратников посоветовал: «Надо бы подвести под Петроград динамиту да взорвать все на воздух». А на вопрос: «А не жалко ли вам Петрограда?» ответил: «Чего жалеть: вернемся, лучше построим». Эта погромная идея восхитила Троцкого: «Вот это настоящее отношение к культуре».

В 1921 году по предложению Ленина начинает выходить журнал «Безбожник», ставший идеологическим центром подготовки кадров в борьбе с Православной Церковью. На базе этих кадров создается «Союз безбожников», в 1929 году получивший название «Союз воинствующих безбожников». Во главе журнала и Союза был поставлен старый еврейский большевик Миней Израилевич Губельман (псевдоним Емельян Ярославский).

Целью «Союза воинствующих безбожников», как определил ее сам Ленин, была «пламенная борьба с православием всеми возможными средствами». Возникает не имевший аналогов в мировой истории строго централизованный, управляемый из единого центра, работающий по единому плану «большевистский штаб» по закрытию и ликвидации православных церквей.

«Союз воинствующих безбожников» работал в тесном сотрудничестве с НКВД. Все основные руководители НКВД в центре и на местах по должности входили в его Совет. Енох Гершеневич Ягода (Иегуда) и Янкель Саулович Агранов – руководители НКВД – состояли в Центральном совете «Союза воинствующих безбожников». Соответственным образом в

---

³ Доклад на Ассамблее ИКОМОС в Лозанне (Швейцария), 17 октября 1990 года. Публикуется с сокращениями.

члены советов областных организаций безбожников входили руководители областных отделений НКВД. По данным сводок Союза «хорошо проявили себя в борьбе с религиозной контрреволюцией следующие товарищи: начальники Горьковского НКВД Зильберман, Погребинский, Израиль Дагин; начальники НКВД Саратовского края Израиль Леплевский, Мойша Дименгман; начальники НКВД Воронежской области Дукельский, Мойша Шенкман; начальники НКВД Тверской области Яков Дейч, Вениамин Мойсыф; начальник НКВД Куйбышевской области Семен Соломонович Бердичевский.

В задачи погромного «Союза безбожников» и НКВД входили:

- подготовка «митингов» трудящихся, на которые выносились резолюции о закрытии и сносе церквей;
- сбор подписей под заранее заготовленными «письмами трудящихся», якобы призывающими закрывать и сносить церкви, сбрасывать колокола, а сведения о лицах, которые отказывались подписываться, передавались в НКВД;
- организационная работа по подготовке взрывов и разборке памятников архитектуры и истории;
- проведение антирелигиозных праздников и карнавалов с издевательствами и избиениями верующих, разведение костров из книг и икон и др.

С самыми яркими эпизодами деятельности «Союза воинствующих безбожников» я сталкивался именно в центральных областях России. По этим областям Ягода и Губельман рассылали особые директивы, которые касались, прежде всего, уничтожения святых мощей как «контрреволюционных объектов». Со святыми мощами еврейские большевики боролись, как с главными врагами.

В Благовещенском Митрофановском монастыре в Воронеже хранились мощи святого Митрофана Воронежского. Этот святой был особенно почитаем Петром I. Святой Митрофан благословил Петра на борьбу с врагами, не боясь порицать его за некоторые западнические акции, унижающие достоинство русских. Однажды святой отказался прийти во дворец Петра, пока на дороге к нему будут стоять скульптуры языческих богов. После смерти святого его гроб нес сам Петр I. «Стыдно нам будет, если мы не засвидетельствуем нашей благодарности сему пастырю – отдаением чести. Итак вынесем его сами». Ежегодно на паломничество к мощам святого Митрофана приходили тысячи людей. Еврейские большевики поставили вооруженный отряд. Драгоценная рака святого была украдена, а мощи осквернены. При попытке православных защитить святыню, чекисты застрелили несколько человек. А потом вытащили из машины мешки и начали обдирать драгоценности с икон, срывать серебряные ризы.

На всю Россию было известно имя святого Тихона Задонского, замечательного духовного писателя, создавшего такие великие сочинения, как «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1770), «Истинное христианство» (1776). Его творения «были любимым чтением благочестивых русских людей и имели громадное влияние на русскую религиозную литературу и проповедничество» (монахиня Таисия). К великому святому, жившему в Богородском монастыре в Задонске, приходили со всей России, он прославился многими чудотворениями. Еврейские большевики не могли терпеть великой славы святого Тихона, мощи его были осквернены чекистами. Все они, как мне рассказывали старожилы, погибли ужасной смертью от рук своих же соплеменников, а один отравился, выпив вместо водки яд. . . Серебряная рака, в которой хранились нетленные мощи святого, была украдена. Чекисты и активисты «Союза воинствующих безбожников» разграбили церкви и библиотеку монастыря.

С особой ненавистью Губельман относился к подвижникам Православия XIX века, его бесила их духовная борьба против иудейской революции, умелое объяснение талмудической подоплеки учения социалистов. Такие подвижники Православия, как впоследствии канонизированные Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, уже при жизни были высоко почитаемы,

а после смерти поклониться их могилам шли люди со всей России. Это поклонение было в самом деле знаком отрицания иудейской революции.

По распоряжению Губельмана тамбовская ячейка «Союза воинствующих безбожников» организует погром на могиле Феофана Затворника в Успенско-Вышенском монастыре (Тамбовская губерния), в здании обители устраивают свинарник и другие хозяйственные помещения, а в 1938 году по рекомендации того же Губельмана в монастыре организуется психиатрическая больница. Во время своих путешествий я ее застал. В главном соборе стояли сотни кроватей, на которых тихо умирали хронические больные, без нормального ухода и лекарств... К святому, создавшему духовные произведения, вошедшие в сокровищницу русской духовной мысли, нельзя было прийти и поклониться. Могила была утрачена, и только в 1990-е годы святые мощи были обреты.

Великий православный мыслитель и духовный писатель Игнатий Брянчанинов последние годы своей жизни провел в Николо-Бабаевском монастыре (Костромская губерния), здесь он написал свой знаменитый духовный труд «Отечник», здесь он почил. Паломники стали приходить к его могиле еще до 1917 года. Его имя было свято для всех, кто боролся с еврейской революцией. Еще при жизни Игнатия Брянчанинова Николо-Бабаевский монастырь превратился в святой город, к которому шли тысячи паломников. Погром святынь монастыря начался после 1917, в 20–30-е годы все храмы были разграблены, а могила Игнатия Брянчанинова раскопана и осквернена. Местные старожилы рассказывали, что чекисты и безбожники выкапывали святые кости. После ухода святотатцев православные собрали кости и снова похоронили. Впоследствии в том небольшом перестроенном храме, в котором лежали под спудом мощи святого, устроили спальню для мальчиков пионерского лагеря. Это детское учреждение я застал во время своих путешествий в середине 1980-х годов. От многочисленных построек монастыря и красивейших каменных стен осталось несколько сильно перестроенных сооружений. Опоганен и изуродован был даже весь ландшафт. Место на берегу Волги, которое современники называли одним из красивейших в России, превратилось в пустырь.

Самые крупные погромные акции против Русской Церкви осуществляются в конце 1920-х – начале 1930-х годов. «В ближайшие годы, – заявлял Губельман на антирелигиозном совещании ЦК в 1929 году, – нам придется выкорчевать в СССР капиталистические элементы иного порядка, чем в 1917–1921 годах. Если мы раньше имели дело с несколькими десятками тысяч помещиков и несколькими десятками тысяч капиталистов, то сейчас мы имеем дело... с 3–4 миллионами кулаков, составляющих основной актив современных религиозных организаций...» Ягода, опираясь на установки Ленина и Дзержинского, рапортует о готовности НКВД окончательно ликвидировать Русскую Церковь.

В начале 1929 года за подписью Лазаря Моисеевича Кагановича на места пошла директива, в которой подчеркивалось, что Православная Церковь является единственно легально существующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Этим фактически была дана команда к широкому применению репрессивных мер в борьбе с Православием.

Каганович стал идейным руководителем генерального плана реконструкции Москвы, согласно которому предполагалось уничтожить до 90 процентов православных храмов русской столицы. «При реконструкции города, – писал он в книге «Генеральный план реконструкции города Москвы», – практически возникает вопрос об отношении к памятникам старины. Схема планировки отвергает слепое преклонение перед стариной и не останавливается перед сносом того или иного памятника, когда он мешает развитию города».

К 1936–1937 гг. погромная деятельность «Союза воинствующих безбожников» достигла апогея. Из примерно ста тысяч русских церквей и часовен было закрыто более 95 процентов. Не менее трети закрытых церквей были взорваны и разобраны без остатка, другие осквернены и перестроены. Были сожжены и уничтожены десятки миллионов икон и церковных плит, разбиты и пущены на переплавку около 400 тысяч колоколов.

Первым городом, принявшим на себя главный удар погромщиков в силу своего положения, стала Москва. В книге «За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР» (М.–Л., 1931) Л. М. Каганович писал: «Когда ходишь по московским переулкам и закоулкам, то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель... и должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильном сочетании, выправлять криволинейные и просто кривые улицы и переулки».

Осуществление так называемой социалистической реконструкции Москвы для иудея Кагановича было только поводом уничтожить столицу Третьего Рима, священный центр христианства.

В Кремле были снесены основанные еще в XIV веке Чудов и Вознесенский монастыри, с именем которых были связаны самые замечательные события духовной и государственной жизни России. Собор Чудова монастыря был построен в конце XV – начале XVI веков. Собор Вознесенского монастыря служил усыпальницей великих московских княгинь от жены Дмитрия Донского до эпохи Петра. По приказу Кагановича в Кремле была взорвана самая древняя церковь Москвы – Собор Спаса на Бору, а также любимый русскими царями Храм Благовещения на Житном дворе. На Красной площади был взорван Казанский собор (XVII века), построенный князем Пожарским как памятник победы над польскими интервентами, а недалеко от него снесены знаменитые Иверские шатровые ворота Китай-города вместе с Китайгородской стеной. Только чудо спасло от погрома Храм Василия Блаженного (под него уже готовились заложить взрывчатку). Снесли великолепные храмы – Никола Большой крест на Ильинке и Успения на Покровке, еще более совершенные, чем сохранившаяся до наших дней церковь Покрова в Филях.

На улице Никольской разобрали Владимирскую церковь, построенную как памятник избавления от татарского нашествия, и небольшую церковь Троицы в Полях, а недалеко от них, в начале улицы Мясницкой – Гребневскую церковь, рядом с которой захоронены были русский поэт Тредиаковский и ученый Магницкий, создатель первого русского учебника по арифметике.

Полвека строился Храм Христа Спасителя – памятник победы народов России над наполеоновскими полчищами. В его галереях была начертана летопись Отечественной войны 1812 года, а на особой доске выбиты слова: «Да будет сей храм стоять века, вознося славу русскому народу». В создании храма участвовали лучшие архитекторы и художники того времени, в том числе Суриков, Маковский, Васнецов, Верещагин, Клодт. Рубильник в положение взрыва перевел сам Каганович.

Всего за 1927–1937 годы в столице Православия было взорвано 150 церквей с колокольнями (без домовых и часовен), большие монастыри и около 1500 исторических зданий, многие из которых были построены выдающимися русскими архитекторами, в том числе Баженовым, Казаковым и др.

В большинстве русских городов было утрачено не менее половины храмов. В Архангельске после сноса сохранилось не более трети памятников архитектуры, из почти тридцати церквей остались не более 6 (из них четыре перестроены). В частности, был разобран Троицкий собор (1709–1765 годов), «один из самых светлых и красивых соборов в России», и два старинных монастыря, один из которых, Михаило-Архангельский с собором XVII века, дал имя городу.

Мать городов русских Киев лишился всех самых значительных храмов, в частности Михайловского Златоверхого монастыря XII–XIX веков с собором Архангела Михаила, построенным в 1108–1113 годах с уникальными мозаиками, Никольского военного собора, построенного в 1690–1696 годах архитектором О. А. Старцевым в стиле малороссийского барокко с семиярусным резным иконостасом, готовились к взрыву София Киевская и Печерская Лавра.

Совершая погромы Православной Церкви, враги русского народа одновременно включают в свои планы и разрушение выдающихся архитектурных сооружений, созданных лучшими русскими зодчими.

Из построек великого русского зодчего Василия Баженова после разных «реконструкций» 1930-х годов не сохранились в Москве дом Анненкова на Петровке (угол Кузнецкого моста) с красивой угловой ротондой, дом Прозоровского на Большой Полянке, церковь Георгия на Всполье, церковь Спаса в Глинницах на Старой площади; в Липецкой области в Вешаловке великолепные готические сооружения усадьбы Знаменка, в художественном отношении не менее интересные, чем комплекс в Царицыно, а также великолепные усадебные постройки в Баловнево.

Пострадали и творения М. Казакова. В Кремле разобрали Малый Николаевский дворец и готическую палатку Архангельского собора, на Никольской улице – Успенский собор Никольского Греческого монастыря, в Зачатьевском монастыре на Остоженке взорвали великолепный по своей красоте и изысканности собор, на Покровке снесли красивую ротондальную церковь Иоанна Предтечи, на Таганке церковь Воскресения Христова Словущее. Сама могила зодчего, умершего в Рязани, оказалась в 30-е годы на территории предприятия и была потеряна.

В Брянске взорвали собор Свенского монастыря, построенный архитектором Мичуринским по проекту Растрелли.

В Иваново-Вознесенске снесли великолепный пятиглавый Спасский собор, украшенный снаружи мозаикой, созданный по проекту Федора Шехтеля. Все в этом соборе – от беломраморного иконостаса с золоченой бронзой до утвари, облачения и живописи – было создано по рисункам выдающегося архитектора-художника. Такая же судьба постигла другие произведения этого архитектора – три церкви в Москве и в селе Балаково на Волге.

В Торжке Тверской области в 1932 году в соборе уничтожили 30 ценнейших картин-икон выдающегося русского художника В. Боровиковского. Такая же участь, только позднее, постигла иконостас работы В. Боровиковского в Покровской церкви села Романовка Брянской области.

В Хвалынске на Волге разрушили церковь, расписанную Петровым-Водкиным.

В селе Гринево Погарского района Брянской области был утрачен иконостас церкви Троицы, принадлежащий кисти О. А. Кипренского.

Известны многочисленные случаи уничтожения произведений выдающихся русских художников В. Сурикова, И. Репина, Д. Левицкого, В. Серова, М. Врубеля, К. Маковского и других.

При закрытии церквей большая часть икон сжигалась на кострах или разрубалась на дрова. В некоторых местах была организована добыча золота из икон. В частности, свидетели, жившие рядом с Семигородной пустыней в Вологодской области и Аносиним монастырем под Москвой, рассказывали мне, как иконы окунали в чаны с кислотой, на дно которых оседало золото, а затем бросали в костер, где уже горели ненужные в хозяйственных целях старопечатные книги. Кстати говоря, массовые случаи по сжиганию старопечатных книг имели место и при закрытии церквей во времена Хрущева.

В гальваническом цеху подмосковного завода имени Менжинского в тридцатые годы наладили новый вид «золотодобычи». Золото смывали в основном с листов обшивки куполов церквей и церковной утвари. Купол Храма Христа Спасителя дал 422 кг золота, всего же с московских церквей «намыли» несколько тонн золота.

Со способом добычи золота методом еврейских большевиков я также столкнулся в Дивногородском Успенском монастыре Воронежской губернии. Обитель находилась на берегу реки Дон при впадении в нее реки Сосна в пещерах под огромными меловыми столбами, называемыми в народе дивами. В этом удивительно красивом, величественном месте в XII веке возник пещерный монастырь, основанный византийскими монахами. В его тесных пещерах

я понял, какое чувство могло владеть монахами, стиснутыми в этих узких пространствах – замкнутости и вечности бытия, близости к Богу.

Старожилы рассказывали мне, что с первых лет советской власти монастырь постоянно подвергался погромам. Его монахов расстреливали и уводили в концлагерь, в пещерах искали оружие и штаб контрреволюционных организаций. В 1927 году из Москвы приехала комиссия для организации в этих красивейших местах санатория для героев революции. Комиссия состояла, по свидетельству очевидцев, «сплошь из жидов», один из которых говорил, что эти места напоминают ему Палестину. Уже летом состоялся первый заезд «героев революции», преимущественно евреев. Им особенно полюбились эти места. В первый год в здании монастыря сохранялось много церковных сокровищ и икон. Все было разворовано «героями», а чтобы уничтожить иконы и книги, они жгли костры. Старожилы рассказывали, что несколько «героев революции» использовали иконы как мишень в тире, приходили в заброшенный храм пострелять, а один «герой» предложил добывать из икон золото. Притащили большой монастырский котел, заполнили его кислотой и стали окунавать в него иконы...

Во второй половине 1930-х годов уничтожаются архивные материалы, относящиеся к взорванным храмам и памятникам. Так, была ликвидирована большая часть архивов Оружейной палаты и Патриарший архив. Изымались материалы и Центрального государственного архива древних актов и других центральных архивов. Из памяти русских пытались стереть их историческое прошлое.

Ценности закрытых музеев распределялись между оставшимися музеями (помещения которых чаще всего не позволяли обеспечивать нормального хранения), передавались в Государственный музейный фонд и посредством его продавались за границу или просто разворовывались.

Огромные художественные ценности России вывозились иностранцами за границу по баснословно дешевым ценам после уплаты 15-процентного экспортного налога. Целое состояние составило на русских художественных ценностях семейство иудеев Хаммеров. Они вывозили иконы и древние книги вагонами. За ничтожную цену они завладели одним из сокровищ Императорского двора – платиновым пасхальным яйцом с бриллиантами, выполненным мастером Фаберже в 1906 году. В начале Второй мировой войны яйцо было продано египетскому королю Фаруку за 100 тыс. долларов, что по ценам 1986 года составляло более 1 миллиона долларов.

Шведский банкир иудей Улов Атберг, будучи в 1920-е годы в Москве, собрал коллекцию в сотни икон XV–XVII веков. Уезжая, он получил специальное разрешение Луначарского на вывоз своей коллекции за границу, где выгодно ее продал.

Продажа русских икон и художественных ценностей за границу стала постоянным источником казны. Советские внешнеторговые организации в течение двадцатых годов постоянно продавали за границу иконы и предметы церковного искусства, украденные у православных, картины великих русских художников, реквизированные из усадеб и особняков, и художественные ценности, изъятые из музеев.

С 1928 года начала осуществляться распродажа ценностей Государственного Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи, других центральных музеев. Распродажей сокровищ за границу руководил Наркомат внешней торговли, возглавляемый А. Микояном. За короткий срок были проданы десятки тысяч русских икон и произведений искусства.

Продажа производилась в полной тайне. Самые лучшие покупки были сделаны американским миллионером Э. Меллоном. «В результате блестящих покупок Меллона, – писал антиквар Дж. Дьюин, – Эрмитаж лишился величайшей в мире коллекции картин...» Были проданы картины Рембрандта, Боттичелли, Рафаэля, Веласкеса, Тициана, Хальса, Веронезе, Перуджино, Яна ван Эйка, Ван Дейка, Шардена и многих других. За картины Рембрандта, Хальса, Веронезе, Ван Дейка и Шардена оптом уплачено 2,6 млн долларов; всего за 21 шедевр

из Эрмитажа Меллоном на счета «Нодлер энд компани» переведено 6,7 млн. долларов. В 1935 году эти картины стоили 50 млн долларов, вскоре после войны – вдвое дороже, а в середине 1980-х оценивались в 350–400 млн долларов.

Можно было бы бесконечно долго перечислять проданные за границу художественные сокровища – они займут многие тома. Следует только сказать, что продавалось все, что покупалось – иконы, картины и скульптура, ковры и мебель, керамика и стекло, художественное оружие и рыцарские доспехи, изделия художественного металла и гобелены, книги и рукописи. Тогда же были проданы за границу величайшие святыни – древнейший Синайский кодекс Библии, Новый Завет, переписанный святым митрополитом Алексием, рукописные и древнепечатные книги XIV–XVII веков.

К осени 1987 года я в основном закончил свои путешествия по России. Подводя итоги, дополняя их своими исследованиями источников и архивов, я сумел создать общую картину катастрофы, которая произошла в России по вине еврейских большевиков. Святыням и культурным сокровищам России был причинен невосполнимый ущерб, который, прежде всего, по моему мнению, был актом мести наиболее радикальных слоев евреев-экстремистов по отношению к Православию. А если говорить на языке христианской мистики – преступление рати дьявола против Бога.

Заговор царубийц⁴

Сегодня я подвожу итоги своего многолетнего исследования, посвященного изучению обстоятельств убийства Царской семьи. Прежде всего, хотелось бы отметить секретные документы, хранящиеся в Свердловском партархиве, со многими из которых ранее не приходилось работать. Я был первым, кто ознакомился с ними.

Документы, с которыми я работал, были воспоминаниями царубийц, подготавливаемыми ими к десятилетнему юбилею злодейства. Его еврейские большевики собирались торжественно отмечать в 1928 году. Сталин эти торжества запретил, а воспоминания убийц приказал засекретить. Наверно, я был первым исследователем, который полностью прочитал их. В документах имелись сведения о местожительстве убийц, я поехал и туда, работал в фондах местных музеев и узнал то, чего не удалось узнать другим исследователям из-за недостатка информации.

Я понял главное – почему еврейские большевики избрали Екатеринбург местом заключения и убийства русского Императорского дома – и, прежде всего, Царской семьи; стало ясно, на кого опирались иудейские заказчики и организаторы ритуального убийства.

Документы, найденные мной в закрытых архивах и фондах, свидетельствовали о том, что еще в начале XX века еврейские большевики во главе с Янкелем Свердловым создали на Урале тайную организацию по типу мафии, деятельность которой опиралась преимущественно на бандитов и уголовников с садистскими наклонностями. Мне удалось установить, что все главные участники ритуального злодейства были матерями убийцами, психопатическими типами, имевшими склонность к человекоубийству. Убийца царя Юровский совершил свое первое «мокрое дело» еще в 1898 году, за что был осужден. Другой палач Царской семьи, Ермаков, сделал убийства своей профессией. Так, в 1907 году по заданию партии он убил полицейского, но не просто убил, а отрезал ему голову.

Работая в уральских архивах и фондах музеев, я посмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству Царской семьи, и вскоре выявил важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийства были членами тайной бандитской организации РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 – начале 1906 года под руководством Я. М. Свердлова. Формально она подчинялась террористическому центру при ЦК партии, который возглавляли Моисей Лурье, Шкляев (Лазарь), Эразм Самуилович Кадомцев (Петр-Павел), Уринсон (Виктор), а позднее Миней Израилевич Губельман (Емельян Ярославский). Но в своей «епархии» Свердлов был единоличный владыка.

Как в классической мафии или в масонских орденах, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды, он согласовывал свои действия с террористическим центром. На уровень ниже сидело тайное оперативное руководство и инструкторы террористической организации, на следующем, тоже тайном, уровне – исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу – «массовка», рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения. На практике это было организовано так. При каждом уральском комитете большевиков создавались три бандитские организации. Одна – известная всем, куда входили рабочие, и две тайные. Они так и разбивались: на первую, вторую и третью. Собственно террористическая работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые десятки (отряды), укомплектованные молодыми бандитами, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими на преступный путь.

⁴ Доклад на авторском вечере в Московском доме ученых, ноябрь 1990 г.

Каждая «десятка» имела свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй банде состоял отряд мальчиков-разведчиков и распространителей партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Члены второй банды работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды в свою очередь разбивались на «пятки».

Что же делали большевики-боевики? Во-первых, совершали убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех неугодных большевикам лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск стражей закона. Во время таких террористических актов гибли больше случайных людей, детей, родственников, близких, чем представителей власти. Особой стороной деятельности боевиков были грабежи, или, как их называли, «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорт с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди, оказавшиеся рядом, гибли десятками.

Вот перечень «подвигов» одного из членов большевистской банды Константина Мячина, с дочерью которого я познакомился в том же архиве: в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906-м – подготавливал к взрыву казармы, метнул бомбу в квартиру руководителя «черносотенцев», убив всю семью; в 1907-м – бросил бомбу в помещение полиции, участвовал в захвате оружия, динамита, ограблении почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. руб.), ограблении самарских артельщиков (взято 200 тыс. руб.); в 1908 году участвовал в нападении на уфимское казначейство, первом миасском ограблении (взято 40 тыс. руб.), убил палача Уварова, участвовал во втором миасском ограблении (взято 95 тыс. руб.), во время которого было убито и ранено 18 человек.

Над вторыми бандами из большевистских террористов стояли первые банды, состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда Свердлов или Губельман могли ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй банды плюс командующий всей боевой организацией тысяцкий, избиравшийся представителями 1-й и 2-й банд совместно. В выборную часть 1-й банды также входил постоянный представитель большевистского комитета. Кооптированная часть первой банды состояла из разных военных специалистов – инструктора, заведующего мастерскими по изготовлению бомб, заведующего оружием, казначея, секретаря. Выборная часть первой банды образовывала совет боевой организации, кооптированная – ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За вторыми шли третьи банды, в состав которых входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к большевикам рабочие. Третьи банды были школой военного обучения, которым занимались боевики вторых банд, каждый из которых был обязан подготовить «пяток» из третьей банды.

Как вспоминали сами террористы, «такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские – только своих «пяточников».

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую бандгруппы были обставлены чрезвычайно строго. За новичка ручались два старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями.

Тайная бандитская организация, спаянная кровью невинных жертв и страхом смерти за малейшую провинность, стала мощным оружием еврейских большевиков, инструментом захвата власти и расправы с политическими противниками. Именно в руки членов этой бан-

дитской организации верхушки большевиков и передали практически всех членов русского Императорского дома и, конечно, членов Царской семьи.

В Свердловском партархиве я знакомлюсь с личным делом убийцы русского царя Янкеля Юровского. Этот матерый преступник, внук раввина, сын уголовника, сосланного за кражу в Сибирь, после отбывания наказания за убийство обосновался в Екатеринбурге, став активным членом тайной террористической организации большевиков. Свердлов всецело доверяет Юровскому, а приезжая в Екатеринбург, останавливается в его квартире. Из личного дела Юровского следует, что после убийства им царя его забирают в Москву, где он становится одним из руководителей Московской Чeka, но в 1919-м возвращается в Екатеринбург, где за свои особые «заслуги» становится фактическим хозяином города, с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской Чeka, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. Ленин считает Юровского «надежнейшим коммунистом». В Екатеринбурге ему с семьей выделяется особняк (в 1989 Музей комсомола) в трехстах метрах от Ипатьевского дома. С ним живут жена Мария Яковлевна (Маня Янкелевна), руководитель партийной организации города, и дочь Ребекка (Римма), руководитель комсомольской организации, прославившаяся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу. В начале 1920-х годов партия направляет Юровского на работу в Гохран, где он стал организатором распродажи за границу сокровищ Царской короны на аукционах Амстердама и Антверпена. В 1923 году он был руководителем позорной акции перевоза русской короны, державы и скипетра в японское представительство в Читу для продажи их в Америку или Европу через Маньчжурию. Совершенно случайно тайная сделка получила огласку. В результате чего советское правительство спешно вернуло русские сокровища в Москву и показало их на выставке в Колонном зале, а Юровский был уволен.

Много документальных материалов, ранее не известных исследователям, мне удалось собрать и о другом участнике убийства Царской семьи – Петре Ермакове, своего рода прототипе Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. В 23 года (в 1907 году) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека, сотрудника полиции Ерина – отрезал ему голову. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду осуждают на виселицу. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 году его ссылают в Вельск. В 1917 году он сколачивает банду для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, совершает первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний – и снова расстрелы, руководителей народных восстаний он убивает лично, о чем хвастается в воспоминаниях. В июне 1918 года он, например, подавляет восстание на Верх-Исетском и Невьянском заводах. Руководители восстания были лично убиты Ермаковым. К моменту убийства Царской семьи руки Ермакова были обгажены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили убийство Царской семьи и уничтожение тел.

На фотографии 1918 года у Ермакова бравый вид: гимнастерка с ремнями, галифе, офицерские сапоги, на боку маузер. Снимок сделан в солидной фотографии, на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, бандитский, по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, и издалека его можно принять за Махно. В 1920-е годы Ермаков служит милицейским начальником в разных городах, а с 1927 года становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области – закономерная карьера большевистского палача. Мне рассказывали, что в начале 1930-х он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть расстреляна.

В 1920–1930-е годы Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела Царской семьи и о своей особенной роли в нем. Все, кто знали

его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив и хвастлив. Как рассказывал мне екатеринбургский старожил А. И. Антропов, лично встречавшийся с Ермаковым, тот говорил: «Я лично расстрелял Царя, Царицу и Наследника и впервые на Урале устроил крематорий». Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей Царской семьи. На фотографии конца 1930-х годов мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, как и в юности, неприятный, отталкивающий.

Был он, если судить по его воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело – правительственных наград у него нет. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 году рабочие Верх-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу браунинг, а в 1931-м присвоили звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года. В конце 1930-х годов распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях.

Зашел я в дом старых большевиков на улице 8 Марта, где с 1930-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в стиле конструктивизма, сильно обветшал, требует ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят Ермакова и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...

О Григории Петровиче Никулине – подручном Юровского – узнать удалось мало. Известно, что посылала его Чека на задание в качестве осведомителя в Академию Генерального Штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в Чека обо всех делах. Добросовестно участвовал в расстрелах заложников. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского. Сильно «подружились» они; умирая, Юровский сделал его своим доверенным лицом. В Свердловском партийном архиве я видел фотографию – оба с женами на берегу моря, на курорте. В 1920-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее – в коммунальном хозяйстве столицы, избирался депутатом местного Совета.

Интересные сведения удалось собрать о начальнике милиции Екатеринбурга А. Н. Петрове. О нем родственники говорили, что он рассказывал о своем участии в убийстве Царской семьи. Со слов родственников, «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». В архивном деле – фотография «коллектива» екатеринбургской милиции того времени. Подвыпившие, с бандитско-дегенеративным выражением лиц милиционеры наслаждаются своей властью над городом. Один из них вытащил пистолет и наставляет его на фотографа. Рядом с самым начальником Петровым – женщина в шикарном шубе с чужого плеча (может быть, даже получила ее при дележе царского имущества).

Знакомясь с секретными архивными документами, я чувствовал, что как будто погрузился в какой-то антимир, в жизнь нелюдей с психикой и взглядами, отличными от человеческих. Но, кроме нелюдей, главарей типа Юровского или Ермакова, были еще десятки рядовых исполнителей, которые охраняли Царскую семью, делали все, чтобы их жизнь стала невыносимой.

Большая часть охранников были выходцы из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из Сысерти вышло столько подручных для этого зверского убийства. Какое-то значение, наверное, имел тот факт, что жена Свердлова Новгородцева работала учительницей в народном училище. Она имела здесь учеников. По некоторым данным, бывал здесь и сам Я. Свердлов, его боевикам в Сысерти делали оболочки для бомб. В ноябре 1917 года отряд из сысертцев, не желавших работать, участвовал в подавлении крестьянского восстания

в с. Багаряк, сопровождавшемся массовыми убийствами и грабежами. Добровольные каратели привезли из этого похода немало сельхозпродуктов, чем и похвалялись.

Я был в этом городе, бродил по нему, разговаривал с жителями, работал в фондах музея. Интересовался историей. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый двор – все равно, что крепость. Высокие ворота, открываешь – замкнутое пространство, двор, замощенный большими гранитными плитами. Все в одном дворе – и дом, и клад, и погреб, и баня, и конюшня, и хлев. Задняя калитка ведет на огород. В общем, мой дом – моя крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц. Мнутся старики, молчат. Некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньги у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили». Когда революция началась, управляющего заводом Макроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. «А главное даже не в этом, – сказал мне один старичок, – я так понимаю, что их кровью повязали. Я-то запомнил то время, когда добровольцев скликали казнить Царя, всякие блага обещали, 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партийные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с советской властью не согласны, много человек поубивали. Вот, говорили они, если вернется старая власть, придется и нам, и вам – всем отвечать за эти дела, спросят, кто убивал?»

Кровью повязали – не здесь ли ответ на многие вопросы! И чтобы понять трагедию Царской семьи, надо еще раз перечитать «Бесов» Достоевского. Горстка нигилистов, без корней и без морали, сеет смуту в глухом провинциальном городе России. Верховенские и Шигалевы (Свердловы и Голощекины) с помощью деклассированных, уголовных элементов типа Федьки Каторжного (П. Ермакова или А. Маркова) создают систему террора и насилия. Придуманная Шигалевым новая система организации мира и есть практика еврейского большевизма. Политическим «новаторством» еврейского большевизма (отличием его от других политических движений) было смелое вовлечение в сферу политики деклассированных и бандитских элементов, активное использование уголовных и аморальных методов борьбы. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. А ведь и скрепили ряды своих боевиков еще в 1905–1907 годах, и кровью убитых повязали, попробуй выйти из организации, ведь ты тоже участвовал в убийствах! Убив Царя и Царскую семью, большевики теперь уже намертво скрепили кровью свою преступную организацию...

Документы, собранные мною в Свердловском партийном архиве, позволяли мне не только восстановить всю картину убийства Царской семьи, но и составить подробный маршрут движения участников преступления с целью сокрытия и уничтожения трупов. Убив и ограбив Царскую семью в доме Ипатьева, преступники погрузили тела жертв на грузовую машину и отправились заметать следы.

Слухов о том, как была захоронена Царская семья, мне удалось собрать много: «Сначала похоронили за Екатеринбургом 2-м, а потом перевезли к станции Богдановичи». «Сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глаз, а рядом вырыли уже настоящую, в которой и похоронили, залив всех цементом». «Сначала побросали всех в одну яму, а затем развезли по разным местам». «Сначала побросали всех в шахту, а потом вынули и потопили в болотах». «Тела Царя и его семьи вывезли на лодках на середину озера и затопили в мешках, наполненных камнями»...

А как же было на самом деле? Днем 17 июля Юровский советуется с членами Уралсовета и Чека. Предгорисполкома Чуцкаев предлагает ему похоронить трупы в глубоких шахтах, заполненных водой, на 9-й версте по Московскому тракту. Юровский отправляется к этим шахтам, чтобы убедиться лично. Шахты ему понравились. И он решает везти тела сюда, чтобы привязав в них камни, утопить. Шахты охраняются сторожами. Но для Юровского это не

помеха. «Надо вызвать автомобиль с чекистами, – размышляет он, – пусть они арестуют сторожей». На случай, если не удастся план с шахтами, Юровский предлагает похоронить трупы в «глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой».

Ночью с 17-го на 18-е команда по уничтожению трупов возвращается в Коптяковский лес. Весь район оцепляется войсками. Всех, кто вторгнется в район оцепления, приказано расстреливать на месте. Глубокая ночь сменяется рассветом, убийцы теряют терпение. Выдвигается предложение никуда не везти, а закопать прямо здесь, возле шахты. Начали рыть яму, да тут к Ермакову подошел знакомый крестьянин и увидел яму. Ермаков его от злости чуть не расстрелял. «Ехали с трудом, вымачивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке, вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне – этого места погребения белые не нашли».

Таким образом, рождается первая версия тайного захоронения Царя – в болотистой дороге под мостками. В записке Юровского указано даже точное место этого захоронения.

Несколько иную версию захоронения Царя дает П. Ермаков в своей беседе с журналистом А. Мурзиным. По его версии, у Царя, Наследника Алексея и Анастасии сначала отрубили головы, тела были сожжены, а негоревшие остатки костей брошены в болото, или слянь. Ермаков рассказывает, что Голощекин приказал в первую очередь сжечь три тела: Николая, Алексея и Анастасии. Перед сожжением он велел отрубить им головы и передать их П. Войкову. Ермакову Мурзин задает вопрос: «...сколько нужно дров, чтобы сжечь хотя бы один труп?» Ведь известно, что близ шахты № 7 не было никаких следов их заготовки или подвозки. Рассказ Ермакова был обескураживающе прост: «Белые следователи не догадались, что Коптяки на то и Коптяки, что там занимались углежжением. На древесном угле мы жгли. Поливали бензином и жгли...»

Не потому ли никто не заметил в те дни ни большого огня, ни дыма над лесом?

Ермаков говорил, что в лес ездили, «как на работу». И утверждал: «главные» тела он «сожжет» еще в ночь на 18 июля. И уехал с командой домой отсыпаться. А поздним вечером того же дня они вернулись к шахте. И немало удивились, увидев: команда Голощекина и Юровского заканчивает погрузку каких-то «недогоревших» тел в повозки.

Было темно. Ермаков не мог нам уверенно сказать, насколько тела были изрублены или обожжены. К тому же Голощекин устроил Ермакову дикую сцену за якобы «самоуправство», за то, что «не тех пожег», – разнос был явно рассчитан на публику. Голощекин заявил, что они решили поменять место захоронения: про него уже «знает весь город». После чего они с Юровским уехали, сказав: едем тела дожигать или топить. И приказали Ермакову все следы у шахты «сокрыть», а остатки костей утопить в болоте.

«Кругом измена, трусость и обман»⁵

– Олег Анатольевич, как вы пришли к теме книги? Ведь, если не ошибаюсь, до нее вас больше интересовала экономика? Не мода ли подтолкнула? Ведь в наше время подготовить такую книгу – это почти гарантированный шумный успех, во всяком случае – у определенной части читателей (что, собственно говоря, и произошло).

– Меня, как русского человека, всю сознательную жизнь волновала трагедия убийства Царской семьи. Я прочитал всю возможную литературу, но все равно не нашел ответа на многие вопросы. Очень много мне дали поездка на Урал, в те самые места, беседы с людьми, работа в архивах. Информация, которую я получил, требовала гласного осмысления, что я и попытался сделать в книге.

– Бесспорно, любое убийство – зло. Там более – убийство детей. Но не кажется ли вам, что факт убийства семьи Романовых используется сейчас для обвинения большевиков не просто в негуманности, а в кровожадности, для создания ореола святости вокруг Царской семьи? У некоторых это вызывает недоумение. Во время английской революции был казнен король Карл I, но одной из значительнейших исторических фигур Англии считается не обезглавленный король, а вождь английской революции Оливер Кромвель. А взять Великую французскую революцию? Вроде как ни один из казненных монархов к лику святых не причислялся... Да нередко и сами монархи ради престола (и не только) убивали и детей соперника, и друг друга...

– Вы затронули самый главный вопрос. Но ореол святости царской семьи имеет иной характер, он имеет естественную природу, ибо царь и его семья были для русских не просто людьми, а высшими выразителями российской государственности, державности. Ореол святости Царской семьи – это ореол высокой идеи Святой Руси, величайшие духовно-нравственные ценности которой мы находим в православной этике, русской иконе, церковной архитектуре, труде как добродетели, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели – в общем, в той структуре бытия, где духовно-нравственные ценности жизни преобладали над материальными, где целью жизни было не потребление, а преображение души. Злодейское убийство Царской семьи рассматривается нами как сознательное уничтожение тех начал, которые были и будут для нас всегда святы, хранятся вечно в родовом сознании, психологии народа и, быть может, закреплены в них генетически.

Говоря конкретно о последнем русском императоре, отмечу, что это был высокообразованный человек, с широким кругозором, прекрасно знавший русскую историю и литературу, в совершенстве владевший основными европейскими языками (хотя читать он предпочитал произведения русских авторов). Блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было редкостью для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу, мысль, что главное его предназначение – следовать российским основам, традициям и идеалам. Образцом правителя для Николая Второго был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю Второму, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если при первых Романовых народные основы служат объединяющим знаменем общества, которые почитают и простой народ, и правящие слои, то к началу XX века российские основы и традиции отрицаются образованным обществом. Не признается право России на собственный путь. Делается попытка навязать ей чужую модель развития – либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И в том, и в

⁵ Интервью журналу «Пульс» в связи с выходом в свет серии очерков «Цареубийцы» в газете «Литературная Россия».

другом случае главное – поломать самобытность России, отсюда и соответственное отношение к царю – хранителю идей традиционной России как к врагу и мракобесу.

Трагедия Николая Второго состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны отвергнуть эти основы и традиции. И речь шла не только (и не прежде всего) о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних семидесяти лет показали, насколько был прав российский император. Всю свою жизнь Николай Второй чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делали императора Николая подвижником идеи, за которую он отдал жизнь. Отсюда и ореол святости вокруг его образа, который будет все больше и больше расти по мере национального возрождения России.

...Шахта находится не так далеко от дороги, и проезжающие крестьяне порой слышат голоса, стоны, иногда раздаётся пение псалмов, молитвы... На следующий день «исполнители приговора» делают попытки добить свои жертвы – второй раз убивают их! Вниз кидают крупные камни, бревна. Но шахта уже сильно завалена, и у них ничего не выходит... На третий день председатель ЧК Говырин берет у местного фельдшера большой кусок серы, революционеры зажигают его и бросают на дно шахты, а верх шахты забрасывают досками и бревнами, засыпают землей, то есть третий раз убивают своих жертв...

– Не кажется ли вам, что всем нам несколько свойственно бросаться из одной крайности в другую? Не происходит ли сейчас процесс чрезмерной идеализации образа императора? Ведь было же Кровавое воскресенье, беспощадное подавление событий 1905-1907 годов, ведь император Николай Второй еще до октября 1917-го получил прозвище Кровавый?

– Рассуждения о Николае Кровавом, об ужасах и казнях в его правление созданы лживой большевистской пропагандой, не имеют под собой реальных фактов. Скажите, можем ли мы сегодня винить Горбачева за события в Чернобыле или за тбилисский инцидент? Конечно, нет! Но при предвзятом желании можем, ибо он возглавлял страну, значит, отвечает за все. Почему же на Николая взваливают ответственность за события 9 января 1905 года, о которых он узнал уже после случившегося?.. Все казни в царствование Николая Второго осуществлялись строго по суду и только за вооруженные грабежи и убийства, как это было принято во всем цивилизованном мире. Государство должно защищать своих граждан от бандитизма, даже если ему придают политический характер. Причем судебная система, существовавшая в то время в России, была независима от власти.

Сам Николай в судебный процесс никогда не вмешивался, чего не скажешь о Ленине, Свердлове, Сталине, Троцком, лично дававших указания об убийстве без суда и следствия десятков тысяч людей. В 1905–1906 годах, когда впервые выплыли на поверхность большевики, они сколотили в разных частях России бандгруппы, так называемых боевиков, которые занимались грабежами, убийствами, рэкетом, и Ленин, и его соратники жили на средства от грабежей, они были залиты кровью. К Февральской революции большевики имели тысячи профессиональных убийц, палачей, готовых создать ГУЛАГ. Кстати, именно эти боевики и были исполнителями убийства династии Романовых. И Ленин, и Сталин (сам боевик, участник убийств и грабежей), и Свердлов (организатор боевиков на Урале) очень любили свое бандитское детище и поэтому смело могут быть посажены на одну скамью с Гитлером, Геббельсом, Гиммлером, использовавшими такие же бандгруппы и методы.

Если уж употреблять по отношению к Николаю Второму эпитеты, то прежде всего – Миролюбивый. Ибо он являлся первым в мировой истории политиком, который выступил с

идеей всеобщего и полного разоружения (1898 год) и даже начал ее осуществлять, собрав по этому вопросу Всемирную конференцию, на которой по его инициативе было запрещено использование варварских методов ведения войны и учрежден Международный суд по улаживанию конфликтов между государствами – прообраз ООН. Только за одно это дело он достоин всеобщего уважения.

– Считаете ли вы, что если бы император не был казнен, Российская империя – с некоторыми изменениями – продолжала бы свое существование (или нашла бы силы возродиться)?

– Я бы просил вас не употреблять слово «казнь», оно здесь не подходит, ибо казнь совершается законно и по суду – в данном случае речь идет об убийстве. Да, я считаю, что до убийства Царской семьи в России существовала большая вероятность установления конституционной монархии в том виде, в каком она существует в современной Англии или Японии. Монарх – хранитель основ, традиций и идеалов нации, правление же страной осуществляют парламент и утвержденное им правительство.

Это было бы великим благом для страны. Во всех случаях, если бы не было этого убийства, история России пошла бы иначе. Недавно проведенный журналом «Родина» опрос показал, что уже сегодня почти две трети наших соотечественников считают убийство Царской семьи преступлением, которое нельзя оправдать. А две трети совершенно справедливо считают, что убийство Царской семьи спровоцировало гражданскую войну, разрушило мораль.

Для партии тех, кто совершил убийство, был закрыт путь к гуманному, правовому обществу, ибо по законам этого общества они должны были быть судимы как обыкновенные уголовные преступники. Им оставался только путь террора и насилия сначала ко всем инакомыслящим, потом – друг к другу. Начало ГУЛАГа как системы – в Ипатьевском доме.

– Кого вы считаете главным виновником случившегося? Кому и почему это было нужно?

– Решение об убийстве Царской семьи и вообще династии Романовых было принято Лениным и Свердловым, тогдашними руководителями Совнаркома и ВЦИК. Как реальные политики, они понимали, что их власть не носила законного характера, а была захвачена путем военного переворота, причем при условии довести страну до Учредительного собрания. Ведь недаром вплоть до начала 1918 года их правительство называлось Временным рабоче-крестьянским правительством. Первое заседание Учредительного собрания показало, что большевиков поддерживало не больше четверти населения, и тогда собрание было разогнано, а прилагательное «временное» исчезло с названия большевистского правительства. Вот тогда и встал вопрос об убийстве последних законных представителей государственной власти, и недаром первым был убит Михаил Романов, так как он отрекался от престола временно, до решения Учредительного собрания, и поэтому мог законно претендовать на власть.

Убийство Царской семьи было организовано и исполнено людьми, патологически ненавидевшими Россию, ее святыни, считавшими, что русский народ живет не так, как надо жить, теми самыми, которые потом разрушали русские церкви, жгли русские иконы и книги.

– Большинство исполнителей казни – молодые люди. Наверное, это не случайно? Как вы считаете, не могут ли в наше время определенные круги увлечь своими деструктивными идеями, использовать молодежь в качестве разрушающей и громящей силы? Можно ли этого избежать? Не кажется ли вам, что, протестуя в своей книге против насилия, вы, в некотором смысле, невольно оказываетесь в числе провоцирующе-катализирующих факторов, способных породить ответное насилие?

– Значительная часть современной молодежи в духовно-нравственном смысле незрела и инфантильна, у многих отсутствует чувство ответственности и долга. По законам Древней Греции таким людям не давали избирательного права. Действительно, лишенная духовных ориентиров молодежь становится игрушкой в руках экстремистских элементов различного толка.

Но я не могу согласиться с вами, что, мол, книга может оказать провоцирующее влияние на развитие экстремизма. Воспитать полноценного человека можно только на полной, а не

усеченной правде, на положительных, притягательных примерах из жизни его предков, а также на доказательстве омерзительности зла, убийства и преступлений.

В случае убийства Царской семьи важно показать, что убийство это было организовано и совершено неполноценными, патологическими типами, достойными презрения, которые не только принесли несчастье многим людям, но и сами не могли испытать настоящего счастья. Они не умели ни работать, ни любить, ни отдыхать. Ненависть, подозрительность, неспособность к нормальным человеческим контактам, духовная импотенция – вот что характеризует этих людей. Все богатство жизни было для них тайной за семью печатями, и единственное, что они могли создать, это – ГУЛАГ. Став преступником, ты проигрываешь жизнь – вот что надо сказать молодежи. Никто из цареубийц не прожил счастливую жизнь, все они так или иначе плохо кончили.

Когда мы дегероизируем этих типов, покажем, что это не герои, а мерзкие подонки, люди под нижней планкой человеческой культуры, мы подорвем одну из духовных основ насилия.

...Как известно, Временное правительство, а потом большевики готовили суд над Николаем и его окружением... Но, разобравшись в материале, поняли, что настоящий гласный суд над Николаем не принесет им политического капитала, а, наоборот, подорвет их позиции. «Компромат» на царский режим, который собирала комиссия Временного правительства (он был в 1920-е годы опубликован), показывает слабость власти, борьбу амбиций и интересов в окружении Николая, но никак не позволяет расценивать его как преступника...

– Как вы оцениваете прошедшие 70 с лишним лет для Советского Союза и России? Ваше мнение о дне сегодняшнем советского, российского и русского народов?

– Образно говоря, если мановением волшебной палочки оживить все то, что было убито, погублено, изгнано, уничтожено, сломано, разрушено в годы большевизма, то рядом с уже существующей страной можно было бы создать такую же страну – с городами и селами, фабриками и заводами, монастырями и храмами, усадьбами и музеями. Страну с народом, по численности равным населению Западной Европы. Страну, духовно-нравственный и культурный потенциал которой был бы неизмеримо выше того, что мы имеем в нашей реально существующей державе. Такова трагедия России, такова трагедия всей мировой цивилизации.

Многие, например, не знают, что перед революцией Россия по уровню экономического развития входила в первую пятерку развитых стран, имела конвертируемую валюту и самые высокие темпы экономического роста. А сегодня наша страна отброшена примерно на тридцатое место, наш рубль не принимается, темп экономического роста имеет отрицательный знак. Такова цена разрушения самобытной российской модели развития.

– Ваше отношение к политическим деятелям, пришедшим после Февральской революции. Кто и куда должен был, на наш взгляд, повести народ?

– Анализ исторических материалов того времени показывает, что на начало февраля 1917 года в России был только один по-настоящему выдающийся государственный деятель, работавший на победу и процветание страны, – это император Николай Второй, но он был просто предан (недаром в своем дневнике он писал в день отречения: кругом измена, трусость и обман). Остальные политические деятели больше думали не о России, а о своих личных и групповых интересах, которые они пытались выдавать за интересы России (поэтому доверия к ним не было). В то время спасти страну от развала могла только идея монархии. Она была отвергнута этими политиками, и тем самым была предрешена их судьба как российских государственных деятелей, они «вылетели за границу». Страна потеряла свою ось, наступила анархия, и, когда власть мог захватить всякий, кто имел несколько тысяч вооруженных людей, на арену вышли большевики...

– Членом какой партии вы являетесь? Какие вам духовно близки?

– Я не отношу себя ни к какой партии. По общественным взглядам мне ближе всего программа Солженицына, сформулированная в статье «Как нам обустроить Россию».

– Могла ли Россия обойтись без Октября? Какие альтернативные линии, варианты развития были?

– Октябрь и его последствия, плоды которого мы пожинаем до сих пор, – величайшая трагедия для России. Я считаю, что у нас не было исторической неизбежности попасть в яму, которая называлась «Октябрь». Но яма, конечно, была задолго до 1917 года. И при известных исторических обстоятельствах мы могли обойти ее стороной.

Что касается вариантов развития, то они, разумеется, были. Каждая страна имеет самобытный путь развития, обусловленный историческими, национальными и географическими особенностями. Не являлась исключением и Россия. Ее самобытность определялась общинно-артельной моделью хозяйственного и культурного развития, характеризовавшейся преобладанием духовно-нравственных начал жизни над материально-вещественными. «Идеализму» этой системы экономически способствовало изобилие земель, лесов и других природных ресурсов. Западноевропейская модель развития отличалась от российской преобладанием в общей системе общественных ценностей материально-вещественных элементов. Экономически это было связано с острым недостатком природных ресурсов, перенаселением этих стран, жесткой конкурентной борьбой. И если в России многие жизненные ценности народа формировались вокруг принципов трудовой демократии, взаимопомощи, нестяжательства, то во многих странах Западной Европы такой осью стали индивидуализм, конкуренция, бюрократизация социальных структур. Каждая национальная модель была самоценна (не лучше и не хуже другой) и имела свое объяснение в тех условиях, в которых она родилась и возникла. И было бы хорошо, если бы эти системы развивались каждая по-своему, не подавляя, а взаимно обогащая друг друга.

Однако в России, как я уже говорил, получилось так, что большая часть правящего класса и интеллигенции воспитывалась на понятиях и представлениях, заимствованных у Запада, и оценивала отечественную жизнь по меркам западноевропейской цивилизации. «Если во Франции или Англии нет общины и артели, то зачем они в России? – спрашивали они и сами отвечали: – Да это, верно, признак отсталости». А раз так, то от этих отсталых архаичных форм надо скорей избавиться и идти общим путем западноевропейской цивилизации. Вот на этих представлениях, как из одного корня, выросли и российские либералы, и российские социал-демократы. Представители каждого из этих двух «растений» обвиняли народ в темноте и отсталости, желая облагодетельствовать его – одни на основе импортных программ, другие – на основе «гениальных» утопических (впрочем, в своей основе тоже импортных) планов. А народ хотел расти из собственного корня, жить в привычных для него общинно-артельных условиях. И либеральный, и социал-демократический пути одинаково вели к обрыву, что и показала наша дальнейшая история.

Осью большевистского режима являлось отрицание самобытных основ, традиций и идеалов, всего национального потенциала как русского, так и других народов России. Именно это определило его бесплодие и гибель. Народ ценой неисчислимых жертв и потерь перемолол этот антинациональный, антинародный режим и сегодня отторгает его. А на повестке дня, как и в начале XX века, главный вопрос, только обостренный до крайнего предела, – о возвращении к народным основам, традициям и идеалам, национально-культурном возрождении народов России.

Беседовал Левон Оганджян

Величайшие преступления XX века⁶

– Олег Анатольевич, что побудило вас взяться за частное расследование обстоятельств убийства Царской семьи и их близких?

– Неудовлетворенность выводами авторов некоторых статей, в частности, в журналах «Огонек» и «Родина», в которых по сути дела это преступление оправдывается с позиции некой исторической неизбежности, мол, такое время было.

Кровавое злодейство, садистское уголовное убийство невинных женщин и детей называется казнью: садисты, убивавшие людей, потом хладнокровно засовывали в свои карманы их кольца, часы, портсигары и т. п., объявляются борцами за идею.

Надо осознать, что убийство Царской семьи является самым страшным и зловещим преступлением XX века, преступлением против русского народа. Отсюда идет начало величайших бедствий нашей эпохи – красный террор и фашизм, массовые уничтожения людей и оболванивание народов, ГУЛАГ и гитлеровские лагеря смерти. В этом убийстве существа, которых вряд ли можно назвать людьми, перешагнули ту черту, которая отделяет человеческое от нечеловеческого, культуру от царства диких зверей, милосердие от зла, уничтожили святыни великого народа, взорвали его точку опоры, за чем последовало сползание великой страны в бездну хаоса и анархии, потянувшее за собой цепкую реакцию других мировых преступлений.

– Действительно ли нужно было убивать Царскую семью?

– Этот вопрос, на мой взгляд, неправилен. Это все равно, что задать вопрос, нужно ли сегодня убивать английскую королеву или японского императора, которые и по сей день благополучно правят, являясь символом незыблемости государственных устоев, порядка и стабильности. Для многих поколений россиян царь был олицетворением Родины, Отечества, национального единства. В народном сознании царь именовался «батюшка», «отец», и не в административном смысле рабского подчинения, а в смысле высшего духовного авторитета. Кстати, при царе экономика была крепче, чем сейчас. Рубль как валюта ценился дороже доллара. Россия не только себя кормила, но и снабжала другие страны.

Не будь этого убийства, Гражданская война носила бы менее жестокий характер, а успокоение страны наступило бы быстрее. Убийство Царской семьи – это бензин, которым стали заливать костер. Он и сегодня еще не погас. Подобного зверства не знала мировая история. Детей накалывали на штык. Женщин кололи так, что штык через тело застревал в полу. А потом тела сжигали!

---

⁶ Интервью газете «На страже». 28.02.1991.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.